сборник

Страшные рассказы 7

18+

Григорий Неделько

Григорий Неделько
Страшные рассказы 7

https://litres.ru/74858258
SelfPub; 2026

Аннотация

Новый, 7-й, сборник жутких историй от вашего верного и опытного проводника в страну кошмаров - Григория Неделько. 13 частей, каждая страшнее предыдущей. Если хотите испытать настоящий ужас, вы выбрали правильную книгу. Рискнёте ли дойти до конца?..

Содержание

Сейчас ты сдохнешь!	4
Я вас чувствую…	10
Дипломат	16
Единственный шедевр	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Григорий Неделько
Страшные рассказы 7

Сейчас ты сдохнешь!

- Сейчас ты сдохнешь!

Эти слова, которые донеслись до Михаила с осенним ветром, слова, полные злобы и ненависти, не были обращены к нему. Однако Михаил безотчётно вдавился в кресло служебного, полицейского автомобиля.

Его напарник Антон, совсем ещё юнец, сделавшись враз будто бы жидким, осел на тротуар возле лужи, оставшейся после дождя.

Тот, кто говорил с ним, высокий, патлатый, неряшливо одетый брюнет лет сорока, развернулся и ухмыльнулся Михаилу.

Полицейский отвёл взгляд. Он не в силах был смотреть на это хищное, плотоядное выражение.

«Неужели всё, что говорили, - правда?!»

Михаил схватился за пистолет и порывисто глянул в сторону брюнета – но того уже не было на месте.

Куда он скрылся?!

«Главное, не смотреть ему в глаза», - вспомнил Михаил.

Полицейский запоздало выскочил из машины и бросился

к распростёртому телу Антона. Прослушал пульс, попытался реанимировать беднягу… Бесполезно.

«Мгновенная смерть, как при тромбе».

Наверняка в больнице так и скажут: тромб. Но Михаил же всё видел собственными глазами!..

Он вытащил рацию и вышел на связь с участком.

Только сказать ничего не успел: что-то холодное и тяжёлое легло ему на плечо. Чья-то рука. Надавив, она заставила его повернуться.

Михаил уставился прямо в глаза брюнету, тому самому, что проходил у них под кличкой Пророк.

Губы Пророка изогнулись в саркастической усмешке. А затем приоткрылись…

Не дожидаясь, когда тот заговорит, Михаил размахнулся – рукой, в которой держал рацию – и врезал по наглой, ухмыляющейся роже чёртова психа. Да откуда он взялся на их голову!

Пророк, а то, учитывая увиденное Михаилом, был именно он, увернулся и попытался подсечкой сбить полицейского с ног. Михаил отскочил и, не глядя на преступника, стал стрелять: благо, переулок пустынный. Хотя можно ли называть преступником человека или подобное ему создание, в существовании которого вовсе не уверен…

Когда отзвучал последний выстрел и патроны закончились, Михаил поднял взгляд – и не увидел Пророка. Переулок опустел.

Михаил осмотрелся: рядом – никого. Правда, там, впереди… Что-то тёмное, на тротуаре. Этого пятна раньше тут не было.

Михаил приблизился и понял, что эта тёмно-красная субстанция – кровь. Значит, он всё-таки ранил гада! Хоть и стрелял кое-как… но с расстояния в пару метров. Невероятная, ставшая в полицейском участке притчей во языцех ловкость на сей раз не помогла Пророку. По крайней мере, Михаил на это надеялся. Должно же и им когда-то повезти.

«Хорошо, если пуля – а лучше несколько – попала ему в живот. Сволочь будет мучиться минут пятнадцать, пока не подохнет. Я даже с ним поговорить успею».

Михаил не торопясь, на ходу перезаряжая пистолет, направился в ту сторону, куда вёл кровавый след.

За пустым переулком – ещё один. Михаил завертел головой, пытаясь определить, куда делся Пророк. Если это была его кровь, в чём полицейский не сомневался, то одним пятном подстреленный не отделается. Ну не вытер же он всё за минуту-другую тряпкой с чистящим средством!

И верно, нет: впереди Михаил заметил новый кровавый след. А потом ещё один.

Двигаясь от одного красного маркера к другому, он наконец добрался до пустого одноэтажного строения. Пустые окна – как выбитые глаза. Дверной проём – словно рот без зубов. Стены обшарпаны настолько, что напоминали израненную плоть… Не лучшее место для того, чтобы спрятаться,

однако идеальное для завершения всей этой операции. Всего этого бреда, сумасшествия и трагедии.

Сколько их коллег полегло, преследуя Пророка? Пять? Десять? А невинные люди? Да что этот безумец о себе возомнил?!.. Михаил слышал, что Пророк сбежал из специализированной психиатрической клиники. Невелико достижение, при его-то способностях. А затем начал мстить окружающим. Завели уголовное дело и постарались поймать преступника по горячим следам, но вместо этого – в горе трупов ещё несколько тел, в форме.

И как в первый раз удалось его поймать? Просто повезло? Возможно, Пророк ещё не научился пользоваться собственными… дарованиями.

«Сегодня всё будет кончено», - подумал Михаил.

Хотел было так и передать по рации, однако передумал. Успеется. Вначале – дело. Очень уж хотелось посмотреть, как эта тварь подыхает, и устроить ему заслуженные, пышные похороны…

Михаил подошёл к тёмному провалу дверного проёма. Дверь валялась рядом. Полицейский заглянул внутрь. Никого и ничего. И вдруг ему почудился слабый шорох.

Держа пистолет перед собой, Михаил направился внутрь здания.

Тяжёлые шаги, хоть он и старался ступать осторожно и, по возможности, тихо, довольно крупного мужчины звучали в обступившей его тишине оглушительно.

«Что это за здание? Для дома – маловато. Для служебного строения – великовато. Может, бывшая котельная?..»

Мысль осталась незаконченной.

Пророк, испачканный кровью с ног до головы, неподвижный и совсем не опасный, лежал возле стены в следующем же помещении.

«Ни шелохнёт ни прогремит», - мрачно усмехнулся про себя Михаил.

Теперь уже он улыбался – во всю ширину большого рта на крупном лице.

- Допредсказывался, Нострадамус хренов.

Михаил рассмеялся. Не по собственной воле, а скорее, вынужденно: выходило наружу накопившееся за сегодня и все предшествующие дни напряжение.

Сейчас он подойдёт поближе и пнёт Пророка ботинком. Если это уже не совсем Пророк, а его остывающий труп, Михаил с радостью сообщит о находке в участок. А если преступник ещё жив, он зачитает ему права, медленно, без спешки – и точно так же, с чувством и толком, в недвусмысленных выражениях выскажет всё, что о нём думает…

В следующую секунду что-то привлекло внимание Михаила, сбив с мысли. Полицейский нахмурился, не понимая, что происходит. Дело было не в неподвижном теле Пророка, который, как подозревал Михаил, уже отдал Богу – или, вернее, Дьяволу – душу. Нечто иное маячило на грани зрения и не давало спокойно…

Точно! Край взора. Михаил понял, что боковым зрением зацепился за какую-то вещь, неясную и, наверное, необъяснимую, раз она так сильно и на уровне подсознания, привлекла его внимание.

Михаил поднял взгляд на потолок; опустил, рассматривая пол… и когда наткнулся на стену, под которой лежал Пророк, всё встало на свои места. Кровь у полицейского застыла в жилах, конечности онемели, тело, казалось, превратилось в кисель – как бы банально всё это ни звучало. Но бывают вещи, которые с любым из людей могут произойти именно так, а не иначе.

На стене крупными, размашистыми красными буквами – писалось, что неудивительно, явно впопыхах – было выведено… Надпись едва читалась, однако Михаил всё же её прочёл. Гораздо легче найти искомое, когда знаешь, что искать. И надпись эта была: «Сейчас ты сдохнешь!»

Михаил не мог оторвать от неё взгляда.

«Не смотри в глаза!..»

И пара неумело, схематически нарисованных глаз.

«Сейчас ты сдохнешь!»

Михаилу показалось, что он чувствует, как у него отказывает, останавливаясь, сердце и жизнь покидает его бренное тело.

Я вас чувствую…

Я вас чувствую.

Хотите верьте, хотите нет, но по прошествии полутора веков я по-прежнему способен ощущать другого человека.

Какая горькая ирония! Когда-то и я был человеком. Очень, очень давно. Полтора века назад. Ведь это давно, правда?

А потом людоловка… вы же помните их? Если подзабыли, я напомню. Автоматизированная система, робот, оснащённый оружием и приспособлениями для излова гомо сапиенс – энергосетью, титановыми наручниками и так далее, - по-простому – людоловка, поджидал меня в подворотне. В один момент я направлялся с работы домой, а в другой – уже сидел внутри этого металлического чудовища, парализованный, накачанный наркотиком, связанный…

Я не подозревал, что меня ждёт. Нет, некоторые догадки были, однако ни одна не попала в цель. Мне уготовили судьбу, которой позавидовал бы сам Яропольцев. А его помните? Преступник панземельного масштаба, покусившийся на свободу всех шести материков (Антарктиду к тому моменту уже заселили). Однако Яропольцеву повезло: его жестоко казнили.

Меня же приговорили… к сочувствию.

Почему ОНИ – кто бы ни были эти твари – выбрали имен-

но такое наказание? Да и наказание ли это? За всю мою жизнь ещё разумным и живым существом не припомню ни единого случая, когда бы я не попытался поставить себя на место другого человека: мужчины, женщины, ребёнка, старика… Чем бы ни занимался, что бы ни думал об иных людях, я всегда задавался вопросом: а что, если бы со мной поступили так же?..

Может, за это я и поплатился. Может, чересчур сильна во мне тяга и способность к сопереживанию – единственному, что отличает нас от бездушных механизмов. От управляемых ИИ людоловок, «разумных» компьютеров и им подобных.

Из меня вынули все внутренности и заменили их электронной начинкой. Провели кабели и подсоединили ко мне – в комнате, опутанной проводами и испещрённой реле. Посадили меня в специальное кресло и прикрепили к нему почти нерушимыми оковами и силовым полем.

Они управляют мной. Мне неведомо как, но они – управляют. Или, по крайней мере, следят – чтобы я не натворил дел.

А я, хочу вам признаться, способен чёрт знает на что.

Именно поэтому надзор не ослабевает. Я его чувствую; Я ВАС чувствую. Стоит мне проявить инициативу, как отравляющее тело (какое тело, ради Господа Бога?!) и душу вещество вливается в меня, подавляя волю, замутняя сознание и стирая память. Потом в меня закачиваются более подходя-

щие месту, времени и делу воспоминания и способности – и всё продолжается. Я вновь сижу.

Я не делаю ничего более – только сижу и сопереживаю. Сочувствую. Чувствую… вас…

Для чего им это нужно? Чтобы контролировать систему? Система – механизм сложный и подвержен постоянным неисправностям и поломкам. За ним – глаз да глаз, и с этим я тоже им помогаю.

А может, мне просто следует мучиться, прежде чем я… нет, не отойду в мир иной – перестану существовать? Что ж, не менее правдоподобный вариант.

А может, я сам управляю вами – когда вижу вас, слышу… чувствую…

Может… может… может!.. Проклятые вероятности! Дьявольские возможности! Они отняли у меня саму способность рационально – не эмоционально – рассуждать на определённые темы. Например, на тему своей самости.

А что касается эмоций – о, тут я дам фору любому. Ведь я вас ЧУВСТВУЮ…

Я чувствую, как вы предаёте друг друга, одновременно в глаза изливая друг на друга потоки лести и лжи.

Чувствую, как вы грабите и убиваете ближнего.

Как насилуете – собственных партнёров и тех, кого абсолютно не знаете, а следовательно, он или она не представляет для вас и мизерного значения.

Я чувствую, как вы приходите домой и обсуждаете про-

машки и недочёты иных… Как вы планируете каверзы и заговоры… Как смеётесь над чужими бедами… Бьёте ножами и кастетами, стреляете, воюете с помощью роботов, которые уже далеко ушли от банальных людоловок…

А потом, когда всё сделано и надо дать выход… чувствам… вы остаётесь наедине и предаётесь разврату. Это я тоже чувствую. Я чувствую ВСЁ.

И знаете что?

Это я не даю вам остановиться. Хоть ужасайтесь, хоть смейтесь, это по моему желанию вы калечите, душевно и физически, и убиваете друг друга.

А после – и тоже при моём непосредственном участии и управлении – вы умираете. Думаете, откуда берутся совпадения? Почему именно в эту ночь именно в это окно именно этой квартиры залезли какие-то мерзкие типы, изнасиловали жену на глазах у мужа, а затем зверски замучили обоих?

И, должен признаться, когда чувствую это, меня тянет наложить на себя руки. Но руки мои вот уже полтораста лет неподвижны. Меня бы вывернуло наизнанку, если бы я ел и если бы внутри меня сохранились органы. Но там – платы, процессоры, вентиляторы… механизмы…

И как будто этого мало, некий шутник – а может (может-может-может!), напротив, очень сообразительный и умный человек – подсоединил телепатическими нитями к моему мозгу систему управления ракетами (плазменными, бактериологическими, ядерными и прочими), расположенными

в секретном бункере на далёких пустынных просторах нашей необъятной родины.

Потому знайте – и помните: прекращение существование для меня, отключение моего мозга, спровоцирует конфликт планетарного масштаба, конфликт, равного которому нет и не будет уже на Земле. Куда там жалкой Третьей Мировой!..

Думаю, в этом и состояла задумка моего Автора, придумавшего меня человека: сделать ТО, что будет удерживать всех от крайней меры. Если мира невозможно добиться – а на это ссылается чуть ли не вся людская история, - то хотя бы перестаньте воевать народами.

Для меня подобные размышления – успокоение. Я утешаю себя ими, пока длятся и длятся бесконечные дни, навсегда потерявшие в моём полукибернетическом сознании времена суток. Лишь вечное, жужжащее компьютерами безмолвие в одинокой комнате, и только бессловесность и неподвижность. Да раз в полгода или год технические осмотры и ремонт.

Вы находите это смешным? Всё-таки?

Тогда вот что я вам скажу: я чувствую вас. Я ВАС ЧУВСТВУЮ. И я вас – ненавижу.

И знаете что? Если сейчас, в данную минуту, в этот самый момент, когда вы читаете набранные бездушной машиной строки моих размышлений-признаний, вы ощущаете то же самое запретное, но такое сладкое и старое чувство – ненависть, - то… признайтесь себе… я говорю ПРАВДУ.

Я вижу. Эти образы внутри моей прочипованной головы… Я слышу и понимаю. Вы НЕНАВИДИТЕ правду. Я это знаю. Откуда? Да просто: я – вас – чувствую…

Дипломат

Юрий проходил мимо переулка и, непроизвольно обернувшись на какой-то тихий, непонятный звук, увидел дипломат. Прислонённая к обшарпанной стене дома, стоящая вертикально возле мусорного бака, эта вещь выглядела здесь такой же уместной, как чумная крыса в Раю.

Первым порывом Юрия было пройти мимо. Но затем он остановился и быстро вернулся на два шага назад. А кто бы на его месте не вернулся.

Юрий заглянул в переулок. Дипломат стоял на прежнем месте. С виду – насколько отсюда можно различить, - очень дорогой. С такими ходят всякие послы и пресс-атташе.

«Откуда он тут взялся?»

Юрий огляделся по сторонам и, убедившись, что никто за ним не наблюдает – никого даже рядом нет, - скользнул в переулок.

Подойдя к дипломату, мужчина встал перед ним и некоторое время рассматривал – теперь Юрий уже не сомневался – явно дорогую вещь.

«Чем он обит? Неужели крокодиловой кожей?»

Странное, необъяснимое волнение овладело Юрием.

Наконец, решившись, он подошёл вплотную к дипломату и, присев на корточки возле него, провёл рукой по покрытию. Мать честная! Действительно похоже на кожу из кро-

кодила! Не то чтобы Юрий в этом разбирался, вот только от дипломата исходила совершенно чётко ощущаемая, однако до конца не ясная аура… загадки. Причём дорогой загадки.

И Юрий понял: вещь дожидается здесь его. Именно его. Чтобы он решил эту загадку и забрал себе ответ – забрал награду.

«Сколько там внутри? Десятки тысяч долларов? Сотни?» - размышлял мужчина, разглядывая замОк.

Озадаченность тем, что нечто подобное вообще находится в грязном безлюдном переулке в центре Москвы, отошла на второй план, потом на третий… а после и вовсе затерялась в далёком тумане сознания.

Содержимое дипломата защищал кодовый замок; не на трёх колёсиках, как обычно, а на четырёх. Нужно выставить правильную комбинацию, и тогда дипломат откроется, и тайна будет разгадана, а Юрий – вознаграждён.

Мужчина покрутил колёсики, время от времени поглядывая на дорогу. Рядом по-прежнему никого. После каждой попытки Юрий пробовал открыть дипломат, но ничего не получалось.

«Слишком много вариантов».

Тогда он решил прибегнуть к более прямолинейному способу: достал из висящего на боку ящичка с инструментами отвёртку и принялся ковыряться в замкЕ. Ремонтник по профессии, подрабатывающий ныне «мужем на час», Юрий как раз ехал на очередной вызов, чтобы починить то ли стираль-

ную машину, то ли посудомоечную – пока его не отвлёк таинственный дипломат.

В переулок, словно нарочно, проник солнечный луч, и, когда отразился от хромированной ручки дипломата, она ослепительно заблестела. У Юрия пересохло во рту.

«Ну давай же!»

Всё происходило в полном молчании, но на пределе эмоций. Юрий взмок от бесплодных попыток открыть дипломат.

Тут отвёртка сорвалась и поранила мужчине руку, которой тот удерживал вещь.

Вполголоса выругавшись, Юрий продолжил свою возню с вожделенной находкой. Он не обращал внимания ни на что: ни на объявшую руку боль, ни на кровь, запятнавшую и его самого, и дипломат… Перед его глазами, затмевая всё вокруг, стояли только предательски надёжный замок и четыре чёрных колёсика по соседству.

Юрий уже не просто взмок – пот катился с него градом. Он ковырял испачканной в крови отвёрткой замок, однако без особо энтузиазма, и этот энтузиазм испарялся с каждой секундой.

- Чёрт! – не выдержал Юрий.

Отбросил отвёртку, откинул дипломат. Сев на корточки и обняв себя за ноги кровавыми руками, Юрий прислонился спиной к мусорному баку и зло уставился на причину своих несчастий.

Причина лежала в какой-то луже и будто бы усмехалась

в ответ на полный боли и негодования взгляд Юрия. Солнце продолжало издевательски играть лучами на поверхности дипломата.

Посидев ещё немного, Юрий встал, подошёл к отброшенной вещи и поднял её. Отерев с неё жидкость, мужчина уделил ещё пару минут тому, чтобы хорошенько рассмотреть дипломат. Ничего нового не увидел, но вдруг закралась мысль: что если внутри бомба? А он, как дурак, возится с этой штукой…

Впрочем, Юрий тотчас выбросил это предположение из головы: была бы внутри бомба, никто бы не стал запирать дипломат на кодовый замок, да ещё с четырьмя – где это видано! – колёсиками. Будь внутри что-либо взрывоопасное, давно бы взорвалось, хотя бы после того как Юрий отбросил дипломат.

Стоило подумать об этом, и морозная волна страха пробежала по спине мужчины.

И тем не менее от дипломата Юрий не избавился. Не бросил его в мусорный бак и не оставил на прежнем месте – вдруг за ним придёт владелец. Нет: вместо этого Юрий возобновил свои манипуляции с замкОм, а точнее – с колёсиками.

Стоя посреди полного грязи и тишины переулка, Юрий кое-как удерживал дипломат одной рукой, а другой, раненой, набирал код. Подумаешь, что в прошлый раз не получилось – теперь-то уж точно удастся! С порезанной руки в лужу ка-

пала алая кровь. Чёрные колёсики с белыми цифрами вертелись…

И внезапно – снова тихий звук. Похоже, тот самый, который привлёк Юрия в переулок.

«Как будто что-то… шевелится».

Юрий в очередной раз осмотрелся, но никого не увидел. Он был тут в полном одиночестве. Только он – и словно загипнотизировавший, зачаровавший его дипломат.

Не зная, на что надеется – наверное, просто отчаяние взяло верх, - Юрий выставил на колёсиках четыре единицы.

Ничего.

Настала очередь четырёх двоек. Тоже безрезультатно. Затем последовали четыре тройки…

Когда дело дошло до шестёрок, неожиданно вновь раздался звук. Но не прежний, когда кто-то или что-то словно бы ворочается, а иной, причём хорошо знакомый Юрию. Щелчок.

Дипломат открылся!

«Не может быть!..»

Мир рухнул и возродился из пепла за одно мгновение, в течение которого Юрий пытался осмыслить произошедшее. На лице раненого мужчины расцвела усталая улыбка.

«И как же я забыл, что дипломат должен щёлкнуть! – удивился сам себе Юрий. – Изо всех сил дёргал его тогда, в первый раз, когда подбирал комбинацию… Вот ведь дуралей!»

Юрий со смесью ненависти и счастья глядел на чёрные с

белым колёсики.

Наверное, дело в том, что у него никогда не было дипломата, к тому же столь дорогого. В противном случае, он бы не совершал бессмысленных действий, пусть даже и пленённый азартом и алчностью.

Но не это имело сейчас первостепенное значение. Главное – он открыл чёртов дипломат!

Юрий, погружённый в отвлечённые мысли, почти уже и думать забыл о том, чем он здесь занимался на протяжении битого получаса. А когда опустил взгляд, рот его раскрылся в беззвучном крике. Вначале – беззвучном, а затем – громком, надсадном. И по мере того как развивались события, крик всё усиливался, пока не перерос в оглушительный. А после – захлебнулся.

Это нечто зелёное, до ужаса подвижное и до жути неизвестное, состоящее будто бы всё из острых углов, выскочило из дипломата. Раскрытая вещь упала на асфальт.

А голодный монстр – гремлин? Гоблин? Кто он был?! – набросился на оторопевшего от сверхъестественного страха Юрия, вцепился ему в глотку и, повалив на землю, одним резким, мощным движением перегрыз мужчине горло.

Единственный шедевр

С тяжёлым сердцем приступаю я к рассказу о судьбе моего друга Руслана Пименова. Дело в том, что несколько дней назад я узнал о его скоропостижной смерти. Это известие выбило почву у меня из-под ног; к тому же я был совсем не уверен в официальном диагнозе, а именно – причине и «скоропостижности» кончины моего доброго друга…

С Русланом мы познакомились лет десять назад. Высокий, крепкий, мускулистый и беловолосый, он являл полную мою противоположность. Казалось, он буквально пыхает энергией, тогда как мне зачастую приходилось прилагать множество усилий, чтобы завершить начатое дело. У него всегда имелось несметное количество идей, которые он стремился реализовывать. И это было только в плюс ему, ведь профессией своей Руслан выбрал художественное ремесло.

Мне неизвестно, как проходило обучение моего друга – он сам почему-то не любил об этом распространяться. Знаю только, что в одну из художественных мастерских его отчего-то не приняли. И тем не менее, мне посчастливилось лицезреть некоторые из его картин. Будучи журналистом, пишущим об искусстве, я немного разбираюсь в технике живописи и в том, насколько художнику удалось вложить себя в собственные произведения. Так вот, Руслан обладал потрясающей техникой; он мог написать всё что угодно: от зелё-

ной, девственной травы под окном деревенского домика до древнего чудища, и вы бы только восхищённо развели руками. Но странная вещь: все его картины были ужасно холодны; от них веяло почти что арктическим морозом, словно бы автор писал их нехотя, по принуждению. Будто бы он не хотел или БОЯЛСЯ вложить в них нечто большее и довольствовался лишь голой техникой. Эх, если бы я задумался об этом тогда, а не сейчас, всё ещё, возможно, удалось бы исправить!..

Под стать поведению Руслана был и его характер: живой, пламенный, не знающий компромиссов. Я, наверное, единственный человек, с которым он не вступал в открытые конфронтации; может быть, потому, что я один и пытался понять его, проникнуть за маску весёлой отчуждённости, что, не снимая, носил на себе мой верный друг. По крайней мере, мне так казалось, и, учитывая произошедшее, думаю, я недалёк от истины. Взрывной характер Руслана неизменно приносил ему беды: то поругается с кем-нибудь в общественном транспорте, то грубо откликнется о чьей-нибудь картине, и тот человек затаит на него обиду, то крупный договор по написанию очередного полотна сорвётся из-за всё той же неуживчивости…

Как-то раз, вечером, мы сидели у него на кухне, пили чай и вели беседы о жизни; Руслан жил аскетом, но всё, чем он обладал, находилось в идеальном порядке и состоянии: вещи и предметы всегда стояли на своих местах, не наблюдалось

никакого хаоса в его быте. Но в тот вечер мне показалось, что на кухне царит беспорядок, причём беспорядок значимый: речь не только о том, что надо всё поставить на свои места, но и вытереть пыль и грязь. Как тактичный человек, я смолчал, не стал акцентировать на этом внимание, однако Руслан, видимо, заметил мой короткий удивлённый взгляд, которым я окинул кухню, поскольку вдруг произнёс странную фразу:

- Не волнуйся, скоро это закончится.

Он сказал это так, будто уговаривал самого себя. В тот вечер он вообще вёл себя довольно необычно: или дёргался ни с того ни с сего, или сидел как истукан. А что касается его фраз – они в большинстве своём не поддавались рациональному объяснению.

Наконец, когда я уже собирался уходить, он поймал меня за руку и яростно зашептал:

- Помнишь Николича? Ему несдобровать, точно тебе говорю.

Я хорошо знал – хоть и с чужих слов – Антона Николича, этого вертлявого, низенького человечка с прилизанными волосами, художника, с которым, казалось, испокон веков конкурирует Руслан. И если бы всё ограничивалось лишь состязанием между двумя творческими личностями… Но нет. Николич не владел и сотой долей мастерства, присущего Руслану, однако вовремя обзавёлся знакомыми в художественной среде и потому стал гораздо более успешным, чем

мой друг. Во всяком случае, так счёл бы любой разумный человек – только не мой друг. Не желая отпускать меня, он шипел, точно змея, о том, что Николич украл его дар и судьбу. Однако настаёт время, когда сводятся счёты, и это – сегодняшняя ночь; больше Руслан просто не сможет ждать.

Я мало что понял из бессвязной речи друга, но посочувствовал ему и сказал какую-то банальную фразу, «всё будет хорошо» или что-то вроде того. Руслан наконец отпустил меня и извинился за своё поведение, хотя я видел, что ему по-прежнему нехорошо. Я спросил, всё ли в порядке, на что Руслан ответил, что всё замечательно и что мне не стоит беспокоиться. Мы попрощались, и я ушёл, а между тем, наш разговор ещё долго не шёл у меня из головы.

Придя домой, я принялся вспоминать всё, что знал об этом Николиче: человек с улицы, без образования, вмиг ставший популярным и богатым художником, заполучивший кучу знакомых из этой области, в том числе самых известных, и жену-красавицу. Уже этого достаточно, чтобы усомниться в его честности. Может, за Николичем стояли богатые спонсоры? Или он украл идею моего друга Руслана и выдал за свою, оттого Пименов его и ненавидит? Ведь никто точно не знал, когда и с чего зародилась эта – взаимная, к слову – ненависть. Ну не продал же он душу Дьяволу…

На следующий день, рано утром, меня разбудил тревожный телефонный звонок. Один из моих приятелей журналистов сообщил мне, что Руслан Пименов умер прошлой но-

чью: по версии врачей, остановилось сердце. Вот просто так – непредсказуемо и неотвратимо.

Я тут же сорвался с места и помчался к нему на квартиру, но, конечно, никого там не застал: полиция и «скорая» уехали уже давно. Однако это встряска подстегнула мои мысли, и я, сам не зная зачем, перезвонил приятелю и выспросил у него номер Антона Николича, ведь он когда-то писал об этом художнике статью в нашу газету. Я ждал у телефона, пока повторялись однообразные гудки, но никто не отвечал. У меня имелся адрес Николича, и я решил навестить его, потому что волнение небывалого свойства и колоссальной силы захватило моё трепещущее сердце. Я вспомнил последние слова, сказанные мне Русланом, и захотел лично удостовериться, что в них нет ничего сверхъестественного, что это просто бред разволновавшегося, близкого к кончине человека.

Николич жил в роскошной квартире, один на первом этаже, а в скором времени собирался перебраться в загородный дом, который был уже почти достроен. Когда я приехал по адресу, то увидел перед входом в подъезд полицейскую машину. Работник полиции с мрачным лицом попытался меня остановить, но я показал ему удостоверение журналиста, и он нехотя позволил мне пройти. Возможно, если бы служители закона знали, с чем столкнутся, то никогда бы не позволили стороннему человеку при этом присутствовать.

Я зашёл в подъезд, поднялся по лестнице и увидел, как

взламывают замок; рядом со слесарем находились двое в полицейской форме и понятые. Им я тоже продемонстрировал свою «аккредитацию», чем, правда, не вызвал ни малейшей радости. Я мог бы спросить, почему органы правопорядка заинтересовались квартирой Николича, но тогда бы выдал свою неосведомлённость и меня, с большой долей вероятности, попросили бы вон. Поэтому я предпочёл стоять и ждать, гадая про себя, кто или что привлекло внимание соседей. Или не соседей? Хм… Может, крик? Или шум борьбы?..

Наконец громкий металлический стук, и дверь открылась. Едва войдя внутрь – последним, - я поразился богатству обстановки; столь дорого обставленной квартиры мне ещё не приходилось видеть. Повсюду мебель из красного дерева, а на стенах – бесконечные картины, и наверняка подлинники. Отчего-то почти на всех был изображён дракон: в разных формах и ипостасях, но не узнать этого выходца из мифов было невозможно. Крылья, длинный хвост, толстая чешуя, треугольная голова… всё говорило в пользу того, что это именно драконы.

Тело Николича валялось в коридоре. Если, конечно, это было его тело. Тошнота подступила к горлу. Понятые отвернулись; полицейские напряглись. А я стоял и не верил собственным глазам… Я глядел прямиком на труп, у которого НЕ БЫЛО ГОЛОВЫ. Позже, когда полиция обыскала всю огромную квартиру, её так и не удалось найти. Служители порядка только почёсывали в недоумении собственные ма-

кушки, тогда как я, кажется, мог дать ответ на смущавший их вопрос: каким образом и отчего умер Николич? (Позже, по тесту ДНК, установили, что да, его-то мы и обнаружили.) Но я придержал свои соображения при себе: мне совершенно не улыбалось променять мою привычную работу журналиста на спонтанное продолжительное пребывание в психиатрической лечебнице.

Только теперь, в этом коротком рассказе, я рискнул поделиться собственными размышлениями на тему того, кто и как убил Антона Николича. Немало этому поспособствовал дневник моего почившего друга Руслана Пименова, найденный у него в запертом ящике письменного стола. Находясь, как утверждали доктора, в помрачении сознания, Руслан описывал одну свою давнюю встречу и её последствия.

Будучи ещё подростком, он познакомился с неким загадочным человеком, внешность которого, как ни старался, не в силах вспомнить. Ему лишь чудился змеиный образ внутри мрачного, чёрного костюма со шляпой, и ещё – удивительно ловкие, нечеловеческие повадки. Этот таинственный чужак – который так и сказал: я прибыл издалека – предложил моему другу сделку. Видя, что в Руслане дремлют творческие качества, он предложил высвободить их – в обмен на жизнь. Руслан только рассмеялся и сразу же, не раздумывая, согласился. Тогда незнакомец огорошил тем, что уже передал Руслану часть своей силы и отныне молодому художнику надо лишь представить, что он хочет написать, чтобы из-

под кисти его непременно вышла нужная картина, причём впечатляющих качества и масштабности. Было, разумеется, и одно ограничение: их договор должен сохраниться в тайне, а равно и когда Руслан будет писать свои картины, он – если, конечно, хочет жить – обязан всё время ОБМАНЫВАТЬ будущего зрителя. Писать не то и не так, как хотелось бы ему, а как подсказывает чёрная, лживая сторона его натуры. После этого незнакомец исчез, и больше Руслан никогда его не видел. Однако загадочный чужак произнёс напоследок, что Руслан умрёт, когда напишет свою лучшую картину.

Сначала мой друг не воспринял всерьёз слова встреченного – ну мало ли сумасшедших бродит по окрестностям. Но с того момента у него действительно начался небывалый взлёт в творческих способностях и, как следствие, карьере.

Через пару лет Руслан познакомился с неким Антоном Николичем, начинающим и бездарным художником, а скорее – банальным бумагомаракой. Они очень сильно сдружились; не было дружбы крепче, чем между Пименовым и Николичем. Даже со мной Руслан не вёл себя столь естественно и откровенно, как с этим человеком. Ему-то, в один из дней, за очередным разговором, Руслан и раскрыл тайну своих способностей.

От нечего делать, Николич, вернувшись домой, попробовал нарисовать картину по методу, который услышал от «друга». И что вы думаете? Ему удалось. С первого раза! Картина, правда, была не ахти, но вскоре её, увидев на вы-

ставке – куда полотно взяли без каких-либо вопросов, - выкупил богатый коллекционер. Так начался взлёт Николича – и падение Руслана…

Долгие годы Руслан Пименов боролся с обстоятельствами, старался угодить и публике, и тем, кто вкладывает в живопись деньги, но у него ничего не получалось. Чем лучше он рисовал, тем паршивее складывались обстоятельства. Спонсоры отворачивались от него; друзья игнорировали и бросали. Даже любимая девушка оставила его ради кого бы вы думали? Верно: Антона Николича!.. Так Руслан и подошёл к точке невозврата, к отметке, за которой его ждала последняя, самая крупная неудача. Он не знал, стоит ли ему ненавидеть того змееподобного чужака, подарившего или якобы отдавшего ему часть своей силы, а ненавидеть Николича было гораздо проще и естественнее. И Руслан решился на месть – месть, которая в итоге стоила ему жизни. Он расплатился сполна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.